

Сейчас ему предстояло сделать выбор между жизнью и смертью: не поешь — умрешь с голоду, поешь — забьют до смерти. Чэнь Мо смотрел на Шэнь Лэчжана так, будто перед ним стоял злобный демон и ухмылялся.

Его душа дрожала от ужаса, но он всё же упрямо спрятал порцию за спину. Шэнь Лэчжан заметил это мелкое движение и приподнял бровь:

— Правда? — он снова улыбнулся, чуть с безуминкой. — Смотри, как бы я твою кунжутную танъюань не надкусил.

— Интересно, сладкая ли она внутри.

Какая еще кунжутная танъюань?

У Чэнь Мо было нехоро предчувствие. В самый критический момент он вытащил руку и сунул Шэнь Лэчжану ту порцию, где не было свиных ребрышек. Он и впрямь выглядел очень юным для своего возраста: на лице пухлые щечки, сам худенький, ну, разве что чуть-чуть с мяском. Мальчишка с алыми губами и белыми зубами заискивающе улыбнулся:

— Шэнь-гэ, угощаю тебя.

При росте сто семьдесят два и весе в сто сорок цзиней, да еще для парня — толстым его не назовешь, просто плотненький. Но вокруг него все помешаны на идеальной форме: девчонки при таком росте худеют до ста цзиней, парни так не худеют, зато выбирают набор мышечной массы. В Наньда куда ни глянь — хоть парни, хоть девушки, все высокие, стройные, один краше другого.

Шэнь Лэчжан надеялся, что у Чэнь Мо хоть капля гордости найдется. Немного разочарованный, он опустил взгляд на Чэнь Мо. Тот улыбался особенно ослепительно, и когда заговорил, в голосе проскользнули интимные нотки:

— Какой послушный.

Ресницы у него были неприлично длинными, а глаза — со светлой радужкой. Шэнь Лэчжан подался вперед, сближаясь настолько, что казалось, будто он сейчас поцелует. В этом читалась нарочитая двусмысленность и баловство:

— Хочешь, Шэнь-гэ тебе награду даст?

В первую очередь Чэнь Мо хотел бы в качестве награды получить то самое постельное белье Шэнь Лэчжана за десять с лишним тысяч, во вторую — чтобы Шэнь Лэчжан съехал отсюда, но в конце концов он отбросил эти нереальные фантазии и отчаянно пожелал лишь одного: чтобы Шэнь Лэчжан оставил в покое его порцию еды.

Одной порцией он действительно не наедлся, но карманные расходы были ограничены. Даже если не наешься, тратить больше нельзя — иначе не дотянет до конца месяца. Знал бы он, что Шэнь Лэчжан так упрется, наложил бы побольше обычного риса, он хоть голод утоляет. Чэнь Мо поднял лицо, его кругловатые миндалевидные глаза с чистыми зрачками четко отражали лицо Шэнь Лэчжана, и голос звучал мягко:

— Какую еще награду?

Только тут Шэнь Лэчжан понял, какой он всё-таки скот. Нельзя же быть настолько

сумасшедшим, чтобы соблазнять чужого ребенка. Он внезапно посерьезнел и отступил на шаг.

Его лицо нельзя было назвать мягким, черты лица резкие, переносица прямая, а когда он не улыбался, от него веяло отстраненным холодом:

— Никакую.

И зачем тогда про какую-то награду болтал? Обманщик. Раз Шэнь Лэчжан молчал, Чэнь Мо тоже не собирался к нему приставать — его куда больше волновало, чем бы поужинать.

Впрочем, если напиться воды, можно почувствовать сытость. Он даже утешал себя тем, что это отличный способ похудеть: вот сбросит вес, станет стройным как тростинка — и тогда заведет себе невероятно красивого парня с кубиками пресса!

Шэнь Лэчжан шел впереди, а шедший следом Чэнь Мо думал об этом всё с большим воодушевлением и нечаянно хихикнул в голос. Шэнь Лэчжан остановился, но Чэнь Мо не заметил и врезался ему в спину. К счастью, шел он медленно, иначе о такую твердую спину Шэнь Лэчжана пришлось бы горько плакать. Он принялся тереть нос и щеку:

— Ты чего останавливаешься?

Черт побери.

...Шэнь Лэчжан подавил в себе эти пошлые мысли. Ему до безумия хотелось потрепать Чэнь Мо за щеки и потискать, но он вовсе не считал себя виноватым — кто же виноват, что Чэнь Мо выглядит таким незащищенным:

— С чего это ты хихикаешь?

Чэнь Мо в этот момент предавался фантазиям об их с будущим парнем сладких буднях. Наверное, Шэнь Лэчжан слишком уж идеально подходил под его требования, и в тот момент, когда тот задал вопрос, Чэнь Мо на секунду мысленно примерил его лицо к своим мечтам. Ох черт, ребята, если бы Шэнь Лэчжан позволил ему оседлать себя... Лицо Чэнь Мо слегка порозовело, и он отвел взгляд:

— Ни с чего.

Шэнь Лэчжан протянул протяжное «о». И когда Чэнь Мо уже решил, что пронесло, Шэнь Лэчжан снова придвинулся ближе. Он был высоким, пряди волос немного растрепались и упали на лоб, но это ничуть не умаляло его мужского обаяния. Наклонив голову, он кончиком пальца коснулся щеки Чэнь Мо и с улыбкой в глазах произнес:

— А ты знаешь, что покраснел?

— Мое лицо так нравится?

Судя по тому, как Чэнь Мо пялится на него, он явно от него без ума.

У Шэнь Лэчжана была легкая мания чистоты, и от него всегда пахло невероятно свежо — терпковатым, но безумно приятным ароматом цитруса с морской солью. Мужское тело массивное и тяжелое, особенно у Шэнь Лэчжана: выглядел худым, но весил немало. Чэнь Мо искренне чувствовал, что это непосильная ноша для его хрупкой жизни:

— Шэнь Лэчжан.

Шэнь Лэчжан снова повеселел:

— Мм?

— Ты такой тяжелый.

Чэнь Мо оттолкнул его с крайним недовольством:

— Не прислоняйся ко мне.

А вдруг из-за этого он перестанет расти!

Ему ведь всего восемнадцать, мама говорила, что он еще маленький, еще подрастет, а как подрастет — сразу похудеет!

Шэнь Лэчжан снова бросил взгляд на Чэнь Мо. На самом деле многим он нравился, и в делах сердечных он не только никогда не знал поражений, но и был слегка избалован женским (и не только) вниманием:

— Тебе не нравится, что я на тебя опираюсь?

Губы Чэнь Мо вытянулись так, что на них можно было воду носить, и он снова принялся его отталкивать:

— Уйди ты.

Но Шэнь Лэчжан и не думал уходить. У Чэнь Мо было на уме с добрую сотню хитростей, но сам Шэнь Лэчжан тоже хорош:

— Не уйду. — Он прижался к Чэнь Мо, словно огромная плюшевая игрушка, того и гляди повиснет на нем, и еще имел наглость улыбаться: — Ни за что не уйду.

Чэнь Мо толкал его какое-то время, но Шэнь Лэчжан даже не сдвинулся с места, только утомил беднягу до потливости. У парня были большие глаза, алые губы и нефритово-белая кожа, которая от напряжения покрылась легким розовым румянцем — живым и невероятно аппетитным. На этот раз он расстроился всерьез:

— Ты что, совсем ненормальный?

На секунду у Шэнь Лэчжана промелькнуло желание доказать Чэнь Мо, нормальный он или нет, но он вовремя сдержался — портить чужого ребенка в его планы не входило:

— Угу, — лениво протянул он. — Я совершенно ненормальный, разве ты не знал? Мне всего три с половиной года, учусь в детском саду «Солнышко», в среднюю группу перейду только в следующем году.

Чэнь Мо: «...» Как у тебя язык поворачивается с такой рожей заявлять о своих трех с половиной годах при таком-то росте? Он от возмущения даже слова вымолвить не мог, и лицо снова вспыхнуло.

На этот раз от злости.

Он считал, что у Шэнь Лэчжана напрочь отсутствует совесть.

Шэнь Лэчжан всегда был высокого ония о себе; заметив, что Чэнь Мо опять покраснел, он наконец отступил. Пошутить — это одно, но если измотать паренька всерьез, тот ведь и взбунтоваться может.

Он потянулся: под белой майкой обозначился рельеф поджарой спины, на руках проступили четкие мышечные линии. Яркие, выразительные черты лица, тонкие алые губы и вечно манящий взгляд:

— Хватит краснеть каждый раз, как видишь мое лицо.

Чэнь Мо замер и уставился на Шэнь Лэчжана.

Тот не оборачивался, прикладывая лицо к сканеру у двери. В этот час в коридоре никого не было, только вахтерша внизу следила за мониторами. Голос у него был невероятно приятным, а уж когда он улыбался — особенно:

— А то я ведь подумаю, что ты в меня влюбился.

Не дожидаясь ответа, Шэнь Лэчжан добавил:

— Только не вздумай влюбляться. Ты же меня знаешь. — Он опустил темные густые ресницы.

— Я отъявленный негодяй, я очень быстро меняю партнеров.

Стоило Шэнь Лэчжану поступить в университет, как он мгновенно стал знаменитостью. Его прошлое перемыли вдоль и поперек, особенно легионы его бывших парней и девушек.

Учебный год начался совсем недавно, иначе у Шэнь Лэчжана наверняка уже появилась бы новая пассия — от желающих признаться ему в любви отбоя не было, парни и девушки выстраивались в очереди.

На студенческом форуме даже гадали, сколько романов заведет Шэнь Лэчжан за время учебы; говорят, даже тотализатор открыли, и самые скромные ставки исчислялись двузначными числами.

У Чэнь Мо даже глаза покраснели.

От зависти и сильнейшего возмущения:

— С какой стати?! Чем я хуже? Разве что беднее, пониже ростом и тяжелее... хотя погодите, Шэнь Лэчжан только кажется худым, еще неизвестно, кто из нас тяжелее! Почему никто не признается мне в любви?!

Система: «...»

Ты сам-то слышишь, что несешь?

Чэнь Мо был уверен, что эта сволочь Шэнь Лэчжан просто красуется перед ним и издевается над тем, что он до сих пор одинок на первом курсе и еще ни с кем не держался за ручку.

Не то чтобы он совсем не пытался признаваться. В начальной школе, по детской наивности, он признался девочке за соседней партой; она погладила его по голове, посмотрела с жалостливой нежностью и сказала, что будет для Чэнь Мо лучшей старшей сестрой. В средней школе он по очереди влюблялся в нескольких девчонок, но результат был один: все онигодились в сестры, и ни одна не соглашалась на отношения, а кое-кто даже предлагал стать его

приемной мамочкой.

Чэнь Мо тогда так испугался, что сбежал среди ночи. Какое-то время он даже страдал от комплексов, искренне полагая, что ему отказывают из-за лишнего веса. Лишь в старшей школе Чэнь Мо осознал свою истинную ориентацию и понял, что его привлекают парни, после чего завязал с признаниями девушкам. Он начал изучать гомосексуальное сообщество... и с горечью выяснил, что это поле — один на миллион, где мелкие пассивчики идут по трупам ради отношений, и каждый из них — с идеальной кожей, кукольным лицом и кубиками пресса на животе.

Те уродины, что попадались на глаза Чэнь Мо, его самого не привлекали, зато те, кто нравился ему, презрительно отворачивались... Чэнь Мо уже махнул рукой на всё и решил коротать век в одиночестве, но никак не ожидал встретить эту скотину Шэнь Лэчжана: кому-то всё, а кто-то погибает от засухи.

Лифт ехал вверх.

С покрасневшими глазами Чэнь Мо не удостоил Шэнь Лэчжана ни единым взглядом и, переступив порог комнаты, даже не заговорил с ним — его хрупкая и ранимая душа снова была жестоко ранена. Проклятье! Твою мать!

Ему хотелось заорать в небеса и спросить, за что всё это.

Шэнь Лэчжан сначала просто шутил. Увидев покрасневшие глаза Чэнь Мо, он тоже умолк: неужели Чэнь Мо и впрямь к нему равнодушен?

Раз уж тот тайком валялся на его кровати, значит, точно равнодушен... От этого осознания Шэнь Лэчжану стало не по себе, и впервые в жизни он растерялся, не зная, как поступить. Что касалось романтических дел, он считал, что сближаться стоит лишь при наличии шансов, а если перспектив нет — нужно сразу рубить на корню. Он и сам прекрасно знал, что он еще тот подонок: о какой уж тут жажде новизны говорить, если он вообще никогда никого не любил.

Если кто-то признавался ему в чувствах, и при этом человек не вызывал отторжения, он был не против попробовать. Обычно всё длилось не больше двух дней, а из-за своей брезгливости он даже за руки никого не держал — разумеется, в том числе и для того, чтобы ни за что не отвечать.

Он отлично знал свой нрав. И хотя всё происходило по обоюдному согласию и упрекать было не в чем, хорошим человеком он от этого не становился.

Чэнь Мо сидел за своим столом и ел, не удостоив Шэнь Лэчжана даже мимолетным взглядом. До чего же бесячий! Что еще за «он меняет партнеров быстрее, чем перчатки»?!

Разве это не бесстыдное хвастовство и насмешка?

Как вообще в этом мире мог появиться такой ублюдок?!

Чэнь Мо знал, что у того мелочный характер, но это ничуть не мешало ему раздуться от злости, прямо как рыба-собака.

В общежитии не было общего времени отбоя. Другие комнаты и в час, и в два ночи еще оглашались дикими воплями, но сегодня в их комнате царила странная атмосфера, и свет потушили довольно рано.

Чэнь Мо не знал, уснул ли Шэнь Лэчжан, но сам он уснуть точно не мог. Во-первых, от злости, а во-вторых — от голода. Поужинав всего одной порцией, он безумно хотел есть.

Раньше он тоже подумывал сесть на диету и похудеть, но мама говорила, что он еще мал и должен расти... В глубине души он все-таки верил ей — какой же парень не мечтает дотянуть до метра восьмидесяти?

Карманные расходы Чэнь Мо составляли всего восемьсот юаней, при этом аппетит у него был отменный. В этом огромном мегаполисе ему приходилось жутко экономить, чтобы сводить концы с концами, поэтому и одежду он покупал только по двадцать юаней за вещь.

Он действительно так сильно хотел есть, что не мог уснуть.

Нашупывая дорогу в темноте, Чэнь Мо спустился с кровати. Никаких снеди в его шкафчиках не водилось, ведь ему хватало денег только на полноценную еду, а на перекусы уже не оставалось.

Условия в Наньда были прекрасными, комнаты рассчитаны на двоих. Окна плотно закрыли, шторы задернули, так что царил такой полумрак, что не было видно ни зги.

Чэнь Мо присел на корточки у кровати Шэнь Лэчжана и долго сверлил его мрачным взглядом.

Шэнь Лэчжан тоже не спал, просто притворялся с закрытыми глазами.

Зачем Чэнь Мо подкрался сюда украдкой? И среди ночи... Неужели собрался исподтишка поцеловать его? Раз уж тот посмел валяться на его кровати в его отсутствие, поцеловать спящего тоже казалось вполне в духе такого наглеца.

Стоит ли его остановить? Маленькая липкая рисовая клетка ведь расплатится, верно?

Может, просто сделать вид, что ничего не заметил? А завтра уже пригрозить ему.

Чэнь Мо подался вперед, приближаясь к лицу Шэнь Лэчжана все ближе и ближе. Шэнь Лэчжан слегка напрягся, его сердце против воли забилось быстрее:

— ...Шэнь Лэчжан.

Раз крадешься целоваться, так зачем же звать?

Неужели он не знает, что его разоблачат? Ну и тупица же. Шэнь Лэчжан продолжил притворяться спящим.

Чэнь Мо позвал снова:

— Шэнь Лэчжан.

И всё из-за того, что Шэнь Лэчжан отнял у него ужин, из-за чего он теперь не может уснуть посреди ночи.

Шэнь Лэчжан подумал: неужели тот собирается признаться в любви?

Неужели у него хватает смежности изливать свои чувства лишь глубокой ночи, когда другой спит? Право слово, это даже немного трогательно.

Чэнь Мо ткнул Шэнь Лэчжана в щеку. Тот решил, что сейчас всё и начнется.

Чэнь Мо надул губы, донельзя обиженно:

— Шэнь Лэчжан, я хочу есть.

Чэнь Мо думал, что Шэнь Лэчжан спит, но не тут-то было. Тот резко сел, с громким щелчком включил свет и схватил его за загривок. Его голос звучал зловеще, выдавая скрытое бешенство:

— Ты что сказал?

— Ты притопал к моей кровати посреди ночи только потому, что проголодался?

Чэнь Мо испугался. Если бы не рука Шэнь Лэчжана, державшая его за загривок, он бы точно шмякнулся на задницу прямо на пол. Лицо Шэнь Лэчжана выглядело поищем жутко, и Чэнь Мо даже заикаться начал:

— А... а как же иначе?

— ...

Шэнь Лэчжан в упор вглядывался в Чэнь Мо. На лице того застыло настолько искреннее недоумение, круглые миндалевидные глаза глядели непонимающе... Эта маленькая клетка и правда была хорошенькой: губы алые, зубы белые, кожа чистая и сияющая, белее снега, а сам мягкий, словно пухлый шарик из теста. Шэнь Лэчжан дернул уголок рта и спустя долгое время процедил:

— Ха.

Чэнь Мо завис в подвешенном состоянии. Он не понимал, с чего бы Шэнь Лэчжану так люто беситься, ему стало немного страшно, и голос невольно стих:

— Ты сердишься?

С ледяным выражением лица Шэнь Лэчжан бросил:

— А по-твоему, нет?

Он был в ярости.

И еще чувствовал себя полным дураком, страдающим манией величия.

Чэнь Мо зауморгал:

— Шэнь Лэчжан.

Шэнь Лэчжан отпустил его. Волосы парня полностью растрепались, спутавшись в беспорядке, верхняя пуговица на вороте расстегнулась, обнажая широкий участок ключиц и груди — до безумия соблазнительный вид.

Прислонившись к изголовью кровати, он смотрел на Чэнь Мо сверху вниз:

— Чего тебе?

Этот невероятно красивый злодей с яркой внешностью, прильнувший к изголовью, растрепанный и полный чарующей живости... Днем Чэнь Мо наверняка пустил бы на него слюни, но сейчас ему хотелось пускать слюни вовсе не на ключицы, а на ребрышки:

— Я голоден.

Я голоден, я хочу есть — эта фраза, пожалуй, грозила стать главным кошмаром всей жизни Шэнь Лэчжана. Он беззвучно усмехнулся:

— Терпи.

— Сдохнешь с голоду — еще лучше.

Чэнь Мо был потрясен бессердечностью Шэнь Лэчжана. Он надул губы и едва не расплакался:

— Я проголодался только потому, что ты сожрал мою порцию, ты должен за это ответить!

Шэнь Лэчжан подумал: плевать он хотел на всякую ответственность. Знает ли этот дурачок вообще, что значит «нести ответственность»? Ответственность — это когда целуются или

оказываются в постели. Он посмотрел на Чэнь Мо:

— Серьезно хочешь, чтобы я ответил?

Глаза Чэнь Мо заблестели, и он отчаянно закивал:

— Я правда хочу есть.

Он ведь не со зла разбудил Шэнь Лэчжана посреди ночи.

Шэнь Лэчжан подался вперед, его одеяло соскользнуло на бедра, а прохладные пряди волос упали прямо на лицо Чэнь Мо. В его глубоком, привораживающем взгляде читалось нечто темное: форма губ была безупречной, а сами они — пугающе алыми, словно он только что напился крови, сущее извращение:

— Я ведь тоже голоден. Дай-ка мне укусить тебя разок.

Чэнь Мо уставился на Шэнь Лэчжана.

Он даже забыл как дышать.

Охренеть, просто охренеть. Он что, собрался им пообедать? Тот еще безумнее, чем он сам!

Осознав происходящее, Чэнь Мо посмотрел на него с суеверным ужасом и, кубарем скатившись, попытался сбежать, но Шэнь Лэчжан тут же за шкирку выловил его обратно. Повторенье — мать ученья, главный герой обладал выдающимся талантом и быстро постиг секреты правильного приложения сил, так что теперь мог запросто поднять Чэнь Мо одной рукой.

Загнанный в угол кровати, откуда уже некуда было бежать, дрожащий от страха Чэнь Мо думал о том, что сегодня днем он поистине высек сам себя.

Если бы Шэнь Лэчжан не смог поднять его с первой попытки, у него ведь оставался шанс сбежать! Чэнь Мо не понимал, чего именно добивается Шэнь Лэчжан, ему было банально страшно:

— Только не кусай.

Он даже не думал ни о чем двусмысленном и не верил, что Шэнь Лэчжан способен положить на него глаз. На самом деле ему казалось, что Шэнь Лэчжан не собирается всерьез его кусать — скорее просто хочет попугать в мст за то, что тот посреди ночи поднял всех на уши своим возмутительным поведением.

— Я понял, я был неправ!

У Шэнь Лэчжана были длинные и ноги, и руки; даже сидя на кровати по-турецки, он казался огромной устрашающей фигурой. Он посмотрел на Чэнь Мо:

— Правда?

Чэнь Мо закивал так усердно, что цыплёнок, клюющий зерна, показался бы любителем.

— Правда!

Шэнь Лэчжан протянул «о-о-у», и выражение его лица значительно смягчилось, словно он собирался отпустить пленника. В глазах Чэнь Мо теплилась надежда, но Шэнь Лэчжан тут же продолжил:

— Тогда дай мне укусить тебя разок.

Чэнь Мо: «...»

Мамочка, этот псих и правда ненормальный.

Шэнь Лэчжан сразу понял, что Чэнь Мо просто вешает ему лапшу на уши и даже ради приличия не хочет позволить себя укусить. Он окинул Чэнь Мо оценивающим взглядом, размышляя, с какой стороны лучше подступить, чтобы аккуратно разделать эту черносердечную клетку.

Мало того что разбудил посреди ночи, так еще и вздумал над ним подшутить, заставив страдать манией величия!

Ощущение близости смерти — штука неприятная. Долго раздумывая, Чэнь Мо дрожащим пальцем выставил вперед средний палец:

— Только кусай полегче, ладно?

Шэнь Лэчжан никак не ожидал, что даже в такой момент Чэнь Мо продолжит его троллить:

— Выбери другой палец.

Чэнь Мо без промедления сменил его на средний палец левой руки.

Шэнь Лэчжан: «...»

Низко наклонившись, он проговорил мягким голосом:

— Чэнь Мо, ты и вправду думаешь, что я ничего тебе не сделаю?

Чэнь Мо как раз именно так и думал.

Если у Шэнь Лэчжана хватит духу — пусть прикончит его!

Да у тебя кишка тонка!

Когда Чэнь Мо завалили на спину, ему еще не было страшно; не испугался он и тогда, когда пижаму задрали. Но стоило Шэнь Лэчжану начать щупать его живот, оценивая его мягкость точно отборную свиную грудинку, как ему наконец стало по-настоящему жутко:

— Шэнь Лэчжан... Ой.

Его несчастный животик.

Жизнь Чэнь Мо потеряла всякий смысл.

Черта с два, этот негодяй Шэнь Лэчжан и впрямь укусил его за живот! Потрясенный и до глубины души огорченный, он обнаружил, что на его животе, прожившем с ним целых восемнадцать лет, остался отчетливый след от зубов.

Он провел пальцем по коже — и надо же, у этого зверя зубы оказались на редкость ровными.

Свернувшись калачиком, Чэнь Мо едва сдерживал слезы. Как можно быть настолько безумным, чтобы позариться на его столь милый животик?!

— Ой, да пошел ты...

Прикрывая живот руками, он взвыл:

— Ублюдок, ты и впрямь меня укусил!

— Твою мать, Шэнь Лэчжан, ну ты и собака.

— Я тебе рано или поздно... Ой, братец, братец Шэнь!

<http://bllate.org/book/21588/2224867>